

Слово к читателям

Андрей Шитов возглавлял представительство ТАСС в Вашингтоне от Билла Клинтона до Дональда Трампа. Поскольку до этого у него была еще и нью-йоркская «пятилетка», в общей сложности он более четверти века работал за океаном на главное информационное агентство России.

Не думаю, что кто-либо еще из современных российских журналистов обладает подобным опытом. И с удовольствием представляю читателям рассказ Андрея об этом опыте — еще и потому, что некоторые воспоминания у нас общие. Серия интервью с президентами США и другими ключевыми американскими ньюсмейкерами для проекта ТАСС и РТР «Формула власти» готовилась нашей творческой бригадой при его непосредственном участии.

При всей своей необычности в американском контексте опыт Шитова не уникален для ИноТАСС в целом. В зарубежной корсети нашего агентства есть люди с таким же и даже более внушительным творческим и рабочим стажем. Подлинные корифеи работают в самых разных точках планеты — от Парижа, Праги и Рима до Токио и Пекина.

В свое время в профессиональной среде новостные агентства принято было шутливо именовать «могилами неизвестных журналистов». Но на самом деле для любого репортера большая честь видеть свой текст напечатанным под всемирно известным тассовским брендом. А в своей штаб-квартире — известном москвичам «доме под глобусом» на Тверском бульваре — мы, конечно, по достоинству ценим своих ведущих авторов. Многие из них, включая Андрея, отмечены не только профессиональными, но и государственными наградами.

Теперь издательство АСТ любезно предложило помочь нашим «золотым перьям» лично представиться

и более широкой читательской аудитории. Благодарен за такую возможность; надеюсь и верю, что такое сотрудничество ТАСС и АСТ окажется плодотворным. А о том, не вышел ли комом первый блин, теперь судите сами.

*Михаил Гусман,
первый заместитель
генерального директора ТАСС*

«Умных много, добрых мало»

*Моя бабушка, Екатерина Андреевна Шитова
(1916–1998)*

Введение

Возвращение в детство

По дорожке, протоптанной в снегу среди деревьев, поздним зимним вечером шагает мальчик. Его догоняет высокий мужчина, берет за руку и дальше они идут вместе.

Это мой сон. Мальчик — это я. Мне лет пять или шесть. Я иду искать родителей, которые уложили меня спать и ушли веселиться с друзьями.

Дорогу к Дому офицеров в подмосковной части, где служит мой отец, — через пруд, обсаженный деревьями, и дальше по улице, — я знаю. Поэтому даже одному в темноте мне весело, а не страшно. Я вдыхаю вкусный морозный воздух, таращусь на звезды и желтые огоньки за деревьями и топаю по хрусткому искрящемуся снегу валенками, надетыми на босу ногу.

В этом лесном военном городке, окруженном колючей проволокой и не имевшем даже собственного названия, а только литерное обозначение К-510, я рос от рождения до окончания школы. До Америки оттуда было как до Луны.

Но мать надоумила меня поступать в московский иняз, после учебы я попал в ТАСС, а потом больше четверти века работал корреспондентом агентства в Нью-Йорке и Вашингтоне. И детский сон мой застал меня душной летней ночью в казенной американской квартире.

Проснулся я тогда с ощущением горькой ошибки. Отец мой незадолго до того умер, не увидев своего внука и моего сына Ваню, родившегося за океаном. Так что и человеком, догнавшим меня во сне, был не он или, во всяком случае, не только он, но и я сам, только почти сравнявшийся с ним по возрасту. Сознание раздвоилось: я словно со стороны видел шагающую впереди

детскую фигурку и привычно ощущал, как доверчиво ложится мне в руку маленькая теплая ладонь...

Вообще-то я своих снов не помню. Но этот врезался в память сразу и навсегда. Он отзывается во мне щемящей и нежной грустью: жалостью к рано ушедшему отцу, к себе самому, к Ваньке, который, сам того не подозревая, очень похож на деда. По сути он вместил всю мою жизнь.

* * *

Об этой жизни я и хочу теперь рассказать — вам и себе. Чтобы попытаться задним числом еще что-то в ней уяснить.

Это мой сугубо личный рассказ. Я всю жизнь работаю в ТАСС и считаю это своей большой удачей. Но я никем не уполномочен что-либо заявлять за других.

Я полжизни прожил в Америке и почти все, что я пишу и говорю, так или иначе окрашено этим опытом. Но я русский человек, всегда им был и буду. Больше того, я совершенно обычный человек — как я это для себя называю, человек «из метро» или «из электрички».

И Америка сама по себе интересна мне лишь постольку, поскольку она, на мой взгляд, может и должна быть интересна моим попутчикам — людям, вместе с которыми я утром еду на работу, а вечером возвращаюсь домой. Надеюсь, это тоже будет очевидно в моем рассказе, который я поначалу так и хотел назвать: «Обычные люди». В моем понимании это относится ко всем, включая политиков и разного рода знаменитостей.

Сюжета как такового в моем повествовании нет. Есть воспоминания: о городах, людях, жизненных и профессиональных уроках. По определению одной моей давней приятельницы, русской американки, это моя «американская мозаика».

Сложена она более или менее по порядку, но все же с позиций

сегодняшнего дня. А память моя избирательна: мысли и чувства сохраняются в ней лучше, чем обстоятельства времени и места; хорошее — гораздо лучше, чем плохое. Многое, наверное, вообще не поддавалось бы восстановлению, если бы не прежние публикации: я же всю жизнь работаю для печати.

За тексты свои я привык отвечать, в ТАСС с этим строго. И теперь, даже используя архив, заново все перепроверяю. Так что любые возможные ошибки или неточности в книге — только моя вина.

Профессия подарила мне встречи с бесчисленным множеством замечательных людей. С одними я годами работал бок о бок, с другими общался лишь раз-другой. Но у всех я чему-то учился, и всем за это признателен, хоть и не могу перечислить их поименно. И чувствую себя в ответе перед ними за эту книгу, даже если они ее не прочтут.

Ни перед собой, ни перед этими людьми я не могу и не хочу лукавить. Поэтому пишу без купюр, стараясь ничего не исказить и не замалчивать. А иначе какой вообще в этом смысл?

Часть 1
Города

Глава 1

Первая любовь. Нью-Йорк, 1987–1992

1.1. Как мы осваивались

У ТАСС в те годы имелись в США отделения в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Первое освещало работу федеральных органов власти и неофициально считалось ведущим, первым среди равных. Последнее на самом деле было корпунктом, поскольку там работал один человек, следивший за жизнью штатов тихоокеанского побережья.

Соответственно, на долю Нью-Йорка, куда я прибыл зимой 1987 года, приходилась вся остальная территория страны — от Аляски до Флориды и Техаса, не говоря уже о самом мегаполисе, где размещается штаб-квартира ООН.

Кстати, при этой штаб-квартире работали еще двое тассовцев, причем одного туда направляла Москва, а другого — Киев. Ведь СССР на правах победителя во Второй мировой войне имел в ООН сразу три представительства: общесоюзное, украинское и белорусское. А ТАСС в советское время возглавлял целую сеть республиканских информационных агентств, включая Укринформ и БелТА.

УДОБНОЕ СОСЕДСТВО

Наше нью-йоркское отделение располагалось в одном из небоскребов Рокфеллер-центра посередине Манхэттена, неподалеку от Центрального парка. Почтовый адрес я помню до сих пор наизусть: 50, Rockefeller Pla-

za, New York, NY 10020. В обиходе он сокращался до Fifty-Rock.

Помещение мы арендовали у американского информационного агентства Associated Press (AP, Ассошиэтед Пресс). Соседство было отчасти вынужденным: нам требовалась бесперебойная связь с Москвой (поначалу телетайпная, позже компьютерная), а поддерживать ее до приезда к нам в отделение собственного инженера помогали американцы.

Но оно было и удобным во всех отношениях: от профессионального до бытового. Новостные ленты AP служили нам одним из основных источников информации о том, что происходило в США, и при возникновении вопросов можно было оперативно, не покидая здания, проконсультироваться с коллегами.

Главным бытовым удобством считалось наличие у коллег собственной столовой. Но мы ею редко пользовались, поскольку кормили там, на наш взгляд, невкусно и довольно дорого. Питались мы в основном разнообразным фастфудом с уличных перекрестков либо приносили еду из дома и разогревали в микроволновке; получки «обмывали» неподалеку от офиса в баре Pig & Whistle («Свинья и свисток»). Наши маститые ветераны-американисты в твидовых пиджаках посвящали там новичков вроде меня в важнейшие тонкости работы за океаном: до сих пор помню, например, что Martini Extra Dry — это чистый джин в треугольном бокале, предварительно ополоснутом вермутом...

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИНОКОРРЫ

Штат сотрудников отделения состоял из четырех корреспондентов и заведующего, который в тассовских командах на моем веку всегда был «играющим тренером». Он не только организовывал и направлял общую работу и отвечал за нее перед Москвой, но и сам писал все, в чем возникала необходимость: от

сиюминутных новостных заметок до наиболее сложных и ответственных комментариев или аналитических текстов.

Впрочем, подготовка не только кратких, но и объемных материалов была обязательна и для всех остальных. При этом в многостраничных «почтовках», которые до появления компьютеров пересылались в московскую редакцию обычной почтой, поскольку передавать их по телетайпу было слишком трудоемко и дорого, разрешалось опираться на оценки и прогнозы местной печати. Но в аналитических «информационных письмах» корреспондентам полагалось использовать сведения из своих личных источников и делать на их основании собственные выводы.

Отчасти это объясняет, зачем вообще нужны инкорпы. Новости как таковые можно ведь взять и у СМИ страны пребывания. Но те заведомо не станут искать и выделять в информационном потоке то, что интересно и важно именно для российской аудитории. Во всей своей работе — от отбора новостей до их подачи, а иногда и пропагандистской «подкрутки» — они будут преследовать исключительно собственную выгоду. Ну и мы точно так же всюду искали свой интерес.

События идут непрерывным чередом, поэтому и мы работали безостановочно, семь дней в неделю. По будням — в две смены: с девяти утра до шести вечера и с шести вечера до трех утра. Скроить рабочее расписание так, чтобы не пропускать новостей и выполнять редакционные задания, но при этом оставить людям законное время для отдыха, для заведующего всегда было проблемой.

ЧЕТЫРЕХКОЛЕСНЫЙ БАРЬЕР

К первой командировке я почти три года готовился в американской редакции ИноТАСС в Москве, стажером ездил в Лондон. Работу знал и любил, требования к ней понимал, так что проблем с редакцией не возникало. А самым

серьезным барьером при адаптации к жизни в Нью-Йорке стало для меня вождение автомобиля.

В Москве я до того за рулем никогда не сидел. Взял, правда, пару уроков в автошколе, но они сослужили мне скорее плохую службу, поскольку создали иллюзию, будто я чему-то там научился. На самом деле я понятия не имел, как управлять автомобилем, даже нашим отечественным, не говоря уже об американских — более массивных, но при этом более приемистых, легче слушающихся руля и оснащенных автоматической, а не ручной коробкой передач.

В общем, при первом же самостоятельном появлении на дороге я въехал сзади в машину какой-то бабули, ожидавшей смены сигнала светофора на перекрестке. И началось мое многомесячное хождение по мукам.

Не буду все пересказывать, но, если бы не мой тогдашний начальник, а ныне добрый друг Игорь Макурин, отстоявший неумелого новобранца, меня, скорее всего, просто отправили бы от греха подальше обратно в Москву. Однажды я умудрился угодить в две аварии за один вечер. А «хеппи-эндом» стала уже нью-йоркская автошкола.

Теперь у меня тридцатилетний водительский стаж, и для меня непреложный факт, что в США корреспондент, не умеющий водить машину, реально неполноценен (во всяком случае до тех пор пока весь автопарк не станет «беспилотным», как обещают футурологи). И я советую молодым тассовцам, отправляющимся за океан, из этого исходить, но все же не садиться за руль без достаточной подготовки.

МЕД И ДЕГОТЬ

Кстати, в наши дни инокорры — это уже не только ребята, но нередко и девушки. В советское время в командировки отправляли почти исключительно мужчин, причем женатых. Для жен в штатном расписании

предусматривались технические должности — секретаря, телетайпистки и т. п.

Это очень высоко ценилось, поскольку обеспечивало прибавку к семейному бюджету, но по сути, конечно, женщины, уезжавшие с мужьями за рубеж, жертвовали нормальной карьерой. А поскольку телетайпистки у нас выходили и в ночную смену, то некоторые шутливо жаловались, что жертвуют и репутацией, ибо регулярно на глазах у консьержей возвращаются домой под утро в компании не собственного мужа, а посторонних мужчин.

Зарплаты у нас были, по выражению одного нашего бывшего тассовского начальника, «хорошие, но маленькие». Помнится, что-то около тысячи долларов в месяц. Но никто не жаловался, так как по советским меркам и это было запредельно много. К тому же зарплата была лишь частью реального достатка, поскольку в длительных заграничных командировках корреспонденты находились на почти полном государственном обеспечении. Основные расходы — на жилье, транспорт, связь — оплачивались из бюджета отделения.

Правда, и в этой бочке меда имелись свои маленькие ложки дегтя. За все необходимо было отчитываться, и без чеков, заверенных подписью заведующего, никакие расходы к оплате не принимались. К тому же для всего — от размеров жилплощади до объема двигателя у автомашин — существовали нормы, в которые полагалось вписываться.

Нормы эти были советскими и, например, сроки эксплуатации мебели по ним исчислялись у нас то ли двумя, то ли даже тремя десятками лет. Но качество то при этом было американским: с виду нарядным, но с изнанки картонно-фанерным, на вечность совершенно не рассчитанным.

Приходилось выкручиваться, в том числе путем обмена мебелью друг с другом. Однажды мы с коллегой перетаскивали из одной квартиры в другую какую-то детскую кровать, которая

